

*Все права, включая полную или выдержанную
перепечатку в любой форме, защищены.
Это вымышленная история. Любое сходство
с живыми или умершими лицами является чисто
случайным и непреднамеренным.*

Пролог

Бастиан Тремблэй опустился на колени. Он дрожал, так как ярость вынуждала его следовать за девушкой. Казалось, он волк, преследующий окровавленную косулю, в плоть которой он только что вонзил зубы.

— НЕТ! — рычал он, вцепившись ногтями в пол. Его дыхание было жестким и сдавленным. Пустота внутри требовала больше, чем просто запах плетений Эбигейл Вудс. Ведь он вообще не собирался приближаться к ней. Он не собирался забирать часть ее.

Задыхаясь, Бастиан набрал воздуха в легкие и закрыл глаза. Тщетно: ее дрожащие губы и расширенные от страха зрачки никак не уходили из его головы. Он отчетливо видел, как они вырисовывались на коже от его прикосновений. Темные паутинки, ее плетения души смело выходили на первый план, предлагая ему себя. Покрывали ее кожу трепещущей сетью от самой шеи и становились частью его.

Он больше не будет прежним.

Бастиан так крепко сжал руки в кулаки, что его ногти оставили на коже следы в форме полумесяца.

Затем он яростно разорвал на себе рубашку и посмотрел на то, что сотворила с ним минутная слабость. Нестовая злость бушевала, подобно урагану, его тело покрылось черными сияющими плетениями. Они, казалось, давили изнутри, пытаясь вырваться наружу сквозь кожу. Бастиан знал, что так оно и было.

Он закрыл ладонью шрам на груди и попытался успокоиться.

Он должен держать себя в руках.

И должен найти способ вобрать в себя плетения Эбигейл Вудс, не уничтожив при этом ни себя, ни ее.

Последний шанс

Ранее

Это был мой последний шанс! Я снова и снова повторяла про себя эти слова, чтобы не возражать вслух, когда такси повернуло к воротам Даркенхолла с надписью «*Частная территория*». Передо мной возвышались стены из желтого кирпича, и я чуть наклонилась вперед, чтобы рассмотреть местность.

Мой последний шанс!

Сверчок разбился о лобовое стекло, и я брезгливо откинулась на сиденье.

Неровные булыжники загремели под колесами, когда водитель нажал на тормоз. Я посмотрела на него в надежде, что он сможет прочесть мои мысли и как можно скорее увезет меня отсюда.

— Ваппинг-хай-стрит, Даркенхолл, — произнес он в нос с индийским акцентом и тут же нажал на таксометр. На заднем сиденье Флоренс рылась в сумочке в поисках кошелька. С дрожью в груди я отстегнула ремень и открыла дверь. Перед моим взглядом предстала роскошная усадьба с белыми ланцетными окнами и ризалитами. Три этажа, острая крыша, покрытая серой черепицей, которая при свете полуденного солнца отбрасывала серебряные блики. Напротив входа растянулась парковочная зона, а южнее, сквозь кроны деревьев, мерцала Темза.

— Разве это не чудесно?! — восхитилась Флоренс, достав багаж с заднего сиденья такси и поставив передо мной. — Какой прекрасный сквер! Здесь люди просто *обязаны* становиться лучше!

Я молча забрала у нее рюкзак и сумку. У кованых ворот на парковке в ряд стояли дорогие машины. Мне в голову пришла мысль, что стать лучше — это совсем не дешево.

— Я чувствую себя тут не в своей тарелке, — проворчала я и закинула сумку на плечо. Она была тяжелой, потому что мне, по-видимому, придется провести в этой школе целую вечность.

Даркенхолл был моим последним шансом...

— Не принимай все так близко к сердцу, Эбби! — попыталась подбодрить приемная мать. Она поправила свою бирюзовую шляпку и распрямила плечи. Флоренс, как обычно, креативно подошла к выбору шляпы, которая делала ее чуть выше; без головного убора она едва доставала мне до подбородка. — Это потрясающая школа!

— Не сомневаюсь... — безэмоционально пробормотала я.

Черты лица Флоренс смягчились. Она приобняла меня, и в ее взгляде я уловила неуверенность. Затем она повесила свою сумочку на запястье и сочувствующе улыбнулась мне.

— Нужно время. — Она осмотрела лестницу на входе. — Помнишь, как мы радовались, что нам удалось определить тебя сюда, — тихо напомнила она, и я почувствовала, как ей хотелось увидеть мой восторг. Нам очень повезло с Даркенхоллом, так, по крайней мере, говорила Флоренс.

И поэтому, а может, из-за ее страха, что расставание станет еще труднее, она уверенно, с улыбкой на лице засемила по широкой парадной лестнице вверх.

Столбы перил украшали высеченные из камня головы драконов. На мой взгляд, ужасно безвкусно, самое настоящее нарушение архитектурного стиля зимнего сада, ухо-

дящего дальше к воде. Наличие денег не всегда означает наличие вкуса...

Проходя мимо оскаливших пасти драконов, Флоренс обернулась ко мне. Теперь она выглядела нетерпеливой. Ее губы шевелились, но я не понимала ни слова. Однако могла себе представить.

— Ну, вот и все! — пробормотала я, достала из серебристой обертки жвачку и засунула в рот. Держа в руках сумку, поправила рюкзак. У меня было с собой все необходимое. Больше не было причин ждать. И все-таки мои ноги словно приклеились к полу. Мне не хотелось заходить внутрь.

Солнце безжалостно палило: на шее и под лямками рюкзака выступил пот. Что ж, у меня не осталось выбора. Я убрала волосы с лица и сделала первый шаг к своей новой нежеланной жизни, но вдруг услышала доносящиеся слева громкие голоса:

— Я не хочу тебя больше видеть, придурок! — завизжала вслед группе парней какая-то девушка.

— На вечеринке в пятницу ты говорила по-другому! — поддразнил ее один из молодых людей. — Там тебе было недостаточно!

Насмешки толпы задели меня, и я искренне посочувствовала девушке.

— Чего пялишься? — заорала она мне, и мое сочувствие моментально исчезло.

— Начинается, — пробормотала я и поставила свои сумки у входа. Вот тебе и *лучшие люди*...

Я оглядела компанию ходячего тестостерона и поклялась всегда обходить их стороной. Я должна обходить *все* проблемы стороной!

Как-никак, это был мой последний шанс!

Когда я наконец-то вошла внутрь, Флоренс уже нигде не было.

— Черт, — простонала я и попыталась сориентироваться. Убрав фиолетовые пряди с лица, я окинула взглядом большой холл. Прямо передо мной изогнутая

лестница с темно-синими ковриками на ступенях вела на второй этаж. В левой и правой частях фойе располагались длинные коридоры. Высокие потолки простирались над моей головой, отчетливо виднелись балки, а над каждым дверным проемом были высечены какие-то латинские надписи.

— Как я вообще здесь оказалась? — прошептала я, потому что тишина становилась прямо-таки удушающей. Быстро, не давая себе времени на осознание того, что мне здесь совсем не нравится, я крепко схватила сумки и, следуя указателю, направилась к приемной директора, в северную часть здания.

Полуденное солнце, проникающее сквозь арочные окна, рисовало яркие блики на деревянном полу медового цвета, а мои шаги нарушали глухую тишину, пока я шла по бесконечному коридору все дальше и дальше. Я почувствовала облегчение, добравшись до ниши с мягкими диванчиками, расположенной напротив закрытой двери. «Директорат» — было написано на табличке. Пока неплохо!

Я растерянно осмотрелась. Мне стоит постучать? Или можно просто войти? Флоренс и след простыл. Она уже вошла туда без меня?

— Разве здесь нет секретаря? — пробурчала я рассерженно и бросила сумки на пол рядом со скамьей. Немного неуверенно я отвела волосы назад и, заметив, что под мышками выступили пятна пота, скрестила руки на груди.

Войти или подождать? — раздумывала я и пыталась спрятать темные пятна на футболке. Подойдя поближе к двери, я прислушалась.

— Не буду приукрашивать, — слышался глухой голос моей приемной матери через деревянную дверь, — у Эбигейл проблемы.

Ну конечно!

Я надула пузырь из жвачки и посмотрела на пустой коридор. Пятна пота больше не имели никакого значения. У меня были другие проблемы...

Со мной всегда так происходило. Либо я доставляла кому-то неприятности, либо они постоянно возникали у меня. Ничего нового. И все-таки было больно слышать это от Флоренс.

— Девочке пришлось нелегко, и я действительно хочу, чтобы ей удалось здесь освоиться.

Я закатила глаза. Мне часто доводилось осваиваться где-то. Очень часто. Новая школа, новая приемная семья, новое окружение. Прямо как сейчас.

Со вздохом я отошла от двери, села на диванчик и вставила наушники в уши, чтобы больше не слушать эту чепуху.

Конечно, Флоренс по-настоящему беспокоилась за меня. Из всех приемных родителей, с которыми мне приходилось иметь дело, Флоренс была... лучшей. Кажется, она правда меня любила. И я ее. Мне нравилось ее ателье. Ее шляпки. Всем этим она разбудила во мне страсть к рисованию. Будучи ребенком, я рисовала с огромным удовольствием. Я была хороша в рисовании, часами пропадая за этим увлечением. Но когда стала жить в приемных семьях, то забросила его. Я сдалась, а вместе с этим забыла, насколько счастливой меня всегда делали карандаш и лист бумаги. И только Флоренс напомнила мне об этом. Не потому, что Флоренс рисовала, причем исключительно наброски шляп. Несуразных шляп. Они были не в моем вкусе, но царящая в ателье атмосфера буквально дышала идеями ее невероятных творений. Все любили Флоренс. Я тоже. И все-таки я ее разочаровывала. Снова и снова.

Я чувствовала искреннюю благодарность за то, что она воспитала меня. Ведь Флоренс могла бы не усложнять себе жизнь и просто передать меня службе опеки. Вместо этого она потратила большую сумму денег, чтобы устроить меня в эту школу. Я тихо вздохнула.

— Школа для трудных подростков! — уныло повторила я объяснение, которое дала мне Флоренс.

Я должна была высоко ценить то, что она взяла на себя все расходы и потратила столько сил. Но я не могла. Мне казалось, что ей хотелось избавиться от лишнего груза. Будто она бросала меня, как делали все остальные, сразу же, когда со мной возникали трудности.

Я сдула челку с повлажневших глаз и вытянула жвачку длинной нитью, которую намотала на палец, прежде чем продолжить жевать дальше.

Подавив в себе неприятные чувства, я сосредоточилась на том, как здесь будет ужасно. Что ж, это ведь намного лучше, чем анализировать поступки Флоренс или свои. Или наши планы.

Я внимательно прислушалась к музыке, звучащей в ушах, словно она могла облегчить мое одиночество, мое желание находиться в безопасности. Флоренс хотела, чтобы я освоилась. Чтобы нашла дом, как она мне объясняла. Но каким образом я должна это сделать здесь? В Даркенхолле! Одно только название...

У меня совсем не было желания выходить во двор школы, где царил гробовая тишина, как на кладбище, а самая большая проблема моих одноклассников, вероятно, заключалась в том, чтобы родиться в обеспеченной семье.

Я включила плейлист с любимыми песнями и сделала музыку громче, немного приподняла руку, чтобы убедиться, что от ужасных пятен не исходит неприятный запах, и попыталась в то же время найти хоть какие-то признаки жизни в пустом коридоре. Школьные стены излучали строгое благородство. Немного пугали.

Мне бросился в глаза герб, красовавшийся над входной дверью. Я знала, как он выглядел, потому что уже гулила школу. Это был семейный герб семьи Тремблэй, которая руководила этой школой из поколения в поколение. Перед моим внутренним взором всплыла картина. Старые сварливые зануды, считавшие, что могли бы вернуть меня на путь истинный. При том что мне вообще не нужен был никакой путь, потому что я никуда не собира-

лась. Я просто хотела сидеть в ателье у Флоренс и рисовать.

С чувством разочарования я встала. От долгого сидения затекла спина, и я сделала несколько шагов, чтобы размяться. Внутреннее беспокойство сжирало меня, хотя, может быть, ожидание было частью этой сомнительной терапии...

Я подошла к одному из арочных окон и выглянула.

Девушки с дорогими сумками в руках и солнечными очками на лбу, служивших скорее модным аксессуаром, а не защитой от солнца, направлялись через парк к противоположной части здания, которая являлась зеркальной копией этого строения. Отсюда виднелось помещение для хранения лодок, расположенное ниже у воды. Плакучие ивы, растущие в парке, свисали на причал; казалось, они хотели дотронуться до воды. На другой стороне, ближе к улице, находились железные кованые ворота, которые образовывали проезд к окруженной стенами усадьбе. Они слегка качались от ветра. Поток воздуха просочился сквозь старые окна, и, несмотря на теплую погоду, по моим рукам пробежали мурашки. Почувствовав себя уютно, я отвернулась.

Мое внимание привлекли брошюры на стенде из оргстекла, стоявшем сбоку от скамьи, и я достала одну из разноцветных листовок. Бумага была приятной на ощупь, тонкой, дорогой, как и остальное оформление брошюры. Не то чтобы я ожидала чего-то другого.

— Даркенхолл, — тихо прочитала я и перевернула первую страницу, хотя содержание ничуть не отличалось от размещенной на сайте информации, которую я уже изучила. «Расположенная в самом сердце Лондона частная школа предоставляет трудным подросткам последний шанс. Процветание нашего общества усложняет жизнь детям. С большой самоотдачей, терпением и необычным терапевтическим подходом мы открываем для своих учеников новые перспективы. Счастливая молодежь и лучшие люди — наша цель».